Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-3-260-266

АКСЮТЕНКОВ Владислав Олегович,
аспирант кафедры международного права
РГПУ им. А.И. Герцена,
e-mail: aksuten2012@gmail.com

Научный руководитель:
ДОРСКАЯ Александра Андреевна,
заведующая кафедрой международного
РГПУ им. А.И. Герцена,
профессор, доктор юридических наук,
e-mail: adorskaya@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ ПРИ ПОСТРОЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА В ПЕРИОД КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. *Междисциплинарность данного исследования обусловлена его целью – рассмотреть процесс формирования международного правого регулирования экономических факторов при построении нового мирового порядка в период кризиса середины XX века, в становлении которого существенно повлияло технологическое развитие. Автор анализирует зависимость современной финансовой системы от энергетического сектора как ключевого ресурса, способного определять не только стоимостные активы, но и стабильность мирохозяйственных связей. Первопричинами системных противоречий для неолиберального капиталистического порядка является исчерпание рыночных возможностей и необходимостью обеспечения устойчивого экономического роста.*

Проблеме обеспечения энергетического суверенитета государства в условиях возрастающей геополитической напряженности и правовой неопределенности уделяется особое внимание. Правой вакуум в регулировании технологических и энергетических инноваций позволяет сформировать новые нормы и институты.

Ретроспективный анализ таких событий, как заключение Рапалльского договора, кризис Бреттон-Вудской системы, современные конфликты вокруг Венесуэлы и Ирака, позволил выявить ключевое значение энергетического фактора в определении геополитической роли стран при формировании архитектуры международных отношений.

Автор приходит к выводу, что на нынешнем этапе кризис международного права структурно взаимосвязан с государственно-центричной Вестфальской системой права; устойчивое развитие способен обеспечить баланс энергетической независимости, технологической модернизации и правовой адаптивности

Ключевые слова: *международное право, технологические уклады, правовой вакуум, энергетический суверенитет, финансовый кризис, нефть, гибридная война.*

AKSYUTENKOV Vladislav Olegovich,
postgraduate student of the Department
of International Law A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Scientific supervisor:
DORSKAYA Alexandra Andreevna,
Head of the Department of International Law
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University Professor,
Doctor of Law

THE FORMATION OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF ECONOMIC FACTORS IN THE CONSTRUCTION OF A NEW WORLD ORDER DURING THE CRISIS OF THE MID-20TH CENTURY IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF TECHNOLOGICAL STRUCTURES

Annotation. *The interdisciplinarity of this research is determined by its purpose – to consider the process of formation of international legal regulation of economic factors in the construction of a new world order during the crisis of the mid-20th century, the formation of which was significantly influenced by technological development. The author analyzes the dependence of the modern financial system on the energy sector as a key resource capable of determining not only the value of assets, but also the stability of global economic relations. The root causes of systemic contradictions for the neoliberal capitalist order are the exhaustion of market opportunities and the need to ensure sustainable economic growth.*

Special attention is paid to the problem of ensuring the energy sovereignty of the state in the conditions of increasing geopolitical tension and legal uncertainty. The current vacuum in the regulation of technological and energy innovations allows the formation of new norms and institutions.

A retrospective analysis of events such as the signing of the Rapallo Treaty, the crisis of the Bretton Woods system, and the current conflicts around Venezuela and Iraq has revealed the key importance of the energy factor in determining the geopolitical role of countries in shaping the architecture of international relations.

The author concludes that at the current stage, the crisis of international law is structurally interconnected with the state-centered Westphalian legal system; sustainable development can provide a balance of energy independence, technological modernization and legal adaptability.

Key words: *international law, technological structures, legal vacuum, energy sovereignty, financial crisis, oil, hybrid warfare.*

> …большая часть бедствий человека – дело его собственных рук.
>
> *Жан-Жак Руссо, «О естественном состоянии»*

Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня «денежные» экономики во многом зависят от нефти как физического ресурса, который в некой части определяет стоимость финансовых активов. В сложившейся финансовой системе ведущие экономические державы не могут позволить игнорировать обвал нефтяных цен, поскольку это создает реальную угрозу для существующего миропорядка.

По некоторым оценкам, «на данном этапе развития экономики в глобальном хозяйстве сложилась ситуация, когда возможности рынков практически исчерпаны; производство ещё можно наращивать, средств у корпораций вполне достаточно, но получать прибыль становится всё сложнее» [1]. Фактически, сложившееся ситуация обнажает нежизнеспособность неолиберальной капиталистической системы в следствии ее противоречий императивам развития: рост объемов производства, накопление производственных активов и перманентное стремление к максимализации прибыли.

Имеющейся тесная взаимосвязь между уровнем развития энергетического сектора и технологическим предопределяет не только суверенность государства, но и сам факт его существования в XXI веке.

Попытка использовать альтернативные источники энергии как способ обеспечения энергетического суверенитета государства вызывает большой дискурс среди действующего научного и политического истеблишмента.

Во многом противоречия возникают из-за правового вакуума, в котором отсутствует четкая регламентация новых инноваций и их имплементаций. Однако именно в неопределенности рождается новая юридическая реальность, способная устанавливать институализированные правила формирования нового мирохозяйственного уклада.

Как отмечают правовые реалисты, право является не просто системой норм, закрепленной на бумаге (law in books), фактически оно представляет собой эмпирический феномен, состоящий из комбинаций актов человеческого поведения и идей о сущности права (law in action) [15]. Стоит отметить, право формируется под воздействием многих источников нормативности, иерархия которых эволюционирует во времени и пространстве. Несмотря на то, что Л.И. Петражицкий рассматривал в большей степени психологический аспект права, нельзя не согласиться с ученым в вопросе его понимания. Он не связывал «понятие права с государством, [поскольку – А.В.] наука далее лишается богатого и поучитель-

ного материала – тех правовых явлений, которые возникали и возникают вне государства, независимо от него и до появления государства, и сужает свой горизонт зрения до узкого, можно сказать, официального канцелярского кругозора» [9, с. 217].

В правовой реальности право не существует само по себе. Наиболее полный и последовательный анализ абстрактного права был изложен в работе Ганса Кельзена «Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве». Г. Кельзен сразу указывает, что «чистое учение о праве является теорией позитивного права», находя ответ на «вопрос о том, что есть право и каково оно, но не на вопрос о том, каким должно быть право, или о том, какое право должно быть создано» [6, с.114]. Возникает парадокс, в котором закон остается правовым, пока сохраняется политическая ситуация, но если она меняется, то пересматривается правовая оценка закона. По своей природе «чистое право» Ганса Кельзена является аналогом «чистого разума» Иммануила Канта в контексте юриспруденции.

Международное публичное право во многом зависит от политических целей каждого из субъектов. Формальное определение прав и обязанностей субъекта отражает сложившийся политический баланс сил, а не фактическую необходимость. Политическое отторжение одного из участников международных отношений приводит к его остракизму, а не к решению глобальных проблем.

На нынешнем этапе, доминирует принцип lex fortissimum (с лат. право сильного), провоцируя межгосударственный кризис и обнажая несостоятельность современного международного права. Наглядно это демонстрируют события 3 января 2026 г. в Венесуэле, а также последующий захват судов, связанных с нефтяным флотом Российской Федерации, на фоне продолжающихся переговоров по урегулированию украинского кризиса.

Представляется возможным рассмотреть политико-правовую значимость энергетического фактора при формировании новой архитектуры миропорядка. При этом отметим, что основополагающим остается международное право, несмотря на его глубочайший кризис.

Контроль Вашингтоном Боливарианской Республики (По данным ОПЕК, Венесуэла владеет приблизительно 20% нефтяных запасов мировых запасов) позволяет обеспечить энергетическую независимость США, а также пересмотреть сотрудничество Каракаса со стратегическими партнерами: России, Китая и Ирана. Также это возможность влиять на рыночную корректировку стоимостных значений нефти, от величины которой зависят доходы нефтедобывающих стран. Нестабильная поставка энергоресурсов является одним из ключевых факторов в обеспечении постоянного экономического роста и энергетического суверенитета государства.

Так, китайская инициатива «Один пояс, один путь», в рамках которой заключены сотни международных соглашений, вызывает резкую критику со стороны американской администрации, выражая обеспокоенность из-за растущего экономического влияния своего азиатского соседа. Согласно предложенной концепции, предполагается комплексное развитие взаимоотношений между странами Евразийского и Африканского континента и странами Латинской Америки. Несмотря на геополитическое давление США с требованием отказаться от участия в инициативе Китая, программа успешно реализуется в Чили, Аргентине, Бразилии и др.

Стоит отметить, что решение иракского правительства национализировать нефтяное месторождение «Западная Курна – 2», разработанное российской компанией «ЛУКОЙЛ», и затем передать американской организации «ExxxonMobil» – доказывает, что геополитическое противостояние ведущих держав постепенно становится перманентной гибридной войной.

Ретроспективный анализ мировых исторических процессов второй половины XX века, когда создавались институциональные механизмы и кодифицировались основные принципы международного публичного права в целях поддержания обеспечение мира и безопасности и устойчивого развития, указывает на системный дефицит в их решении.

В первую очередь данная проблема возникает из-за энергетической зависимости, порождающая стратегическую уязвимость, выраженная в утрате контроля над критической инфраструктурой, созданной для энергоснабжения экономики.

Однако наличие энергоресурсов не гарантирует суверенитет. Он достигается путем комплексного развития технологического, инфрастуктурного и институционального потенциала, способного обеспечить эффективное управление ресурсами, их трансформацию в экономическое и стратегическое преимущество, а также устойчивость к экзогенным шокам.

16 апреля 1922 г. в ходе работы Генуэзской конференции был заключен Рапалльский договор между РСФСР и Германией, по которому стороны отказались от взаимных претензий по вопросу возмещения военных расходов, ввели принцип наибольшего благоприятствования при ведении торговой и хозяйственной деятельности. В дополнение немецкое правительство обяза-

лось поставлять промышленные технологии. Также на Генуэзской конференции проводились переговоры с «Ройял Датч Шелл» с делегацией РСФСР по вопросу разработки бакинских нефтяных запасов. Предполагалось оставить ¼ нефтеносных земель за советским государством, а ¾ – за добывающим предприятиями. Однако соглашение сорвалось из-за соперничества иностранных нефтяных компаний.

24 июня 1922 г. министр иностранных дел Германии, человек подписавшего Рапалльский договор и добившийся отказа Великобритании от наложенных репараций Версальским договором, был убит террористической ультраправой организацией «Консул». Достигнутые договоренности с Россией в долгосрочной перспективе не выполнены.

Если Первая мировая война определила роль нефти как геостратегического природного ресурса, то Вторая мировая война это закрепила, войдя в историю как «война моторов».

Значимым фактором в дальнейшей эволюции международного права является растущая зависимость государств от технологического и энергетического потенциалов, развитие которых предопределяло позицию страны.

Экономическим каркасом восстановление разрушенных стран Западной Европы и Японии стала Бреттон-Вудская система, просуществовавшая с 1946-1976 гг. Свою деятельность она осуществляла за счет фиксированных курсов валют, обеспеченных золотым стандартом. Для этого был создан «Золотой пул», в который входили центральные банки Западной Германии, США, Великобритании, Швейцарии, Нидерландов, Италии, Франции и Бельгии. Ключевым фактором являлось поддержание рыночной стоимости золота на уровне 35 американских долларов за тройскую унцию. Это достигалось путем покупки американской валюты каждой из стран. Также Бреттон-Вудский уклад позволял беспрепятственное движение американо-британскому капиталу, расширяя и закрепляя его на европейских рынках.

В 1967 г. президент Франции Шарль де Голль объявил о выходе из «Золотого пула», потребовав обмена американской валюты на золото. Действия де Голля запустили цепную реакцию. После Франции об аналогичных намерениях заяви ли Италия и Бельгия. Примечательно, что золотой запас хранился в главных финансовых центрах западного полушария – в Лондоне и в Вашингтоне. Уменьшение золотого запаса увеличило волатильность доллара, обнажая нестабильность сложившейся международной финансовой системы.

Как отмечают ученые, причинами коллапса Бреттон-Вудской валютной структуры были заложены в ее внутренних противоречиях: высокая проблематичность международной ликвидности, девальвация американского доллара, отсутствие механизма урегулирования платежного дисбаланса, а также неспособность своевременной корректировки неравновесности системы[7; 5, С.18].

В 1968 г., после победы де Голля на выборах и его решении продолжать суверенную внешнюю экономическую политику, Францию охватила волна революционных студенческих забастовок, которые парализовали государство и привели к смене действующей власти.

Особенно низким был уровень доверия к банковским институтам. Председатель Центрального банка Италии Карли Гвидо отмечал: «банковское сообщество воспринимается все более враждебно… Чувство недоверия происходит от убеждения в том, что коммерческие банки присвоили слишком большую долю денежного суверенитета» [13].

Вопрос сохранения денежного суверенитета для каждого из участника международных отношений становился первостепенным. Развернутые программы по восстановлению европейских экономик после Второй мировой войны, по которым предполагалось закупать продукцию для промышленного производства и строительство инфраструктуры в американской валюте, укрепляли доллар как главной расчетной валютой между странами. Например, ОПЕК, созданный в противовес нефтяному картелю «Семь сестер», использовал в своих взаиморасчетах британский фунт стерлингов и американский доллар.

Отметим, что диспропорциональное распределение доходов нефтяной промышленности в условиях возрастающей зависимости от энергоресурсов государств изменило существующую ткань международных отношений, в которых первостепенное значение приобрели вопросы обеспечение энергетического суверенитета.

Формирование новой международной финансовой системы завершилось подписанием Ямайского соглашения, подписанного 8 января 1976 г., согласно которому основополагающим элементом являлся плавающий курс валют. Новый стандарт обмена был фактически зависим от волатильности нефти на биржах Лондона и Нью-Йорка.

На данный факт указал российский мыслитель Джемаль Г.Д.:

«После 45-го года окончательно победила спекулятивная виртуальная экономика, которая базирует основную часть производимого продукта на чисто информационном базисе. Это фьючерсные сделки, это торговля ценными бумагами, это создание хай-тек компаний, что выпу-

скают акции на несколько миллиардов долларов, а затем лопаются, потому что за ними ничего не стоит. И все эти сделки фактически проели реальные активы» [3, С.14].

Концентрация капитала в финансовом секторе в совокупности с процессами деиндустриализации послужила катализатором превращения кризиса перепроизводства в структурный экономический кризис, обнажив многие финансово-экономические проблемы сложившейся международной системы в 1978 г., а также в 2008 г.

Имманентной составляющей не только каждого технологического уклада, но и сложившейся системы международных отношений начиная с середины XX в. по настоящее время, является доступ к первичным энергоносителям, преобразование которых обеспечивает новую техносферу,

Механизация мануфактурного производства в XVIII в. осуществлялась за счет использования природной энергии – воды, что позволило увеличить количественно-качественные показатели ткацкого производства.

Создание парового двигателя в первой половине XIX в. послужило началом для формирования масштабных производств, а основными источниками энергии стали выступать уголь и пар, преобразовав транспортную сеть и металлургическую промышленность во времена второго технологического уклада.

Электрификация и стандартизация производства, появление телеграфа, радиосвязи – факторы, позволившие масштабировать производства и концентрировать банковский и финансовый капиталы в третьем технологическом укладе.

Ядерная энергетика только получила свое зарождение как альтернативного источника энергии в четвертом технологическом укладе, в рамках которого углеводороды стали основными энергетическими источниками.

Возникающая диспропорция между инертностью нормотворческих процессов и скоростью трансформации технологической реальности, знаменующий новый уклад, создает пробелы в международном праве, порождая зоны юридической неопределенности.

Преодоление правового вакуума в решении вопроса обеспечения энергетического суверенитета, приоритетной целью которого является повышение устойчивости национальной экономики к внешним шокам, позволяет определить нормативные границы последующего международного взаимодействия. Не только доступность, но и способность государства производить, интегрировать и потреблять релевантные энергоресурсы текущему технологическому укладу, определяется решением стратегической задачи по преодолению зависимой позиции в глобальной цепочке.

Попытка обрести энергетический суверенитет была предпринята Пакистаном, который решил развивать собственную независимую ядерную программу. Она обернулась для страны внутренним политическим хаосом. Как отмечает бывший премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто:

«Государственный секретарь Соединенных Штатов доктор Генри Киссенджер имеет блестящий ум. Он сказал, что я не должен оскорблять разведку Соединённых Штатов, заявляя, что Пакистану необходим завод по переработке ядерного топлива для его энергетических потребностей. В ответ я сказал ему, что я не буду оскорблять разведку США, обсуждая энергетические потребности Пакистана, но точно так же он не должен оскорблять суверенитет и самоуважение Пакистана, вообще обсуждая этот завод…Я получил смертный приговор» [12].

Отметим, что установление всеобъемлющего юридического монизма как способ разрешения разнообразных кризисных ситуаций представляется миной замедленного действия под сложившейся правовой системой международных отношений. Как справедливо отмечал итальянский историк права Паоло Проди:

«… в тот момент, когда позитивное право начинает полностью регулировать социальную жизнь, проникая во все аспекты жизни человека, которые до сих пор основывались на разноплановых нормах, общество костенеет и начинает саморазрушаться, потому что лишается возможности дышать, необходимой для его выживания».

Современные кризисы права являются порождением установленного порядка, переживающий закономерный спад. Прежняя логика, предусматривающая позитивистское воспроизведение, закрепление и последующее неизбежное разрастание общеобязательных норм, относится к ушедшей эпохе модерна. В период постмодерна, где преобладает концепция постправды, в которой система права пытается урегулировать даже общественно незначимые отношения, становясь не только апофеозом моторизированного нормотворчества [16], но и порождением правовых симулякров, единственной основой для формирования стабильного и устойчивого порядка является неофициальное право [8].

Подобно смене технологических укладов эволюционирует нормативная система, идеалом которой становится технический норматив [14]. Как верно было отмечено в книге «Совершенство техники» немецкого философа Фридриха Георга Юнгера:

«Техник…подменяет правовую норму технической нормой и, отвергая в ней качество специфически юридическое, изменяет как дальнейшее развитие права (lex ferenda), так и действующее право (lex lata), приводя их в соответствие с тем пониманием нормы, которое свойственно технике. Он механически уничтожает жизненную силу права… <…> он [техник] всюду выдвигает на передний план материальную сторону закона и подменяет право, выраженное в виде законов, техническими предписаниями. С этим связано безграничное разрастание правовой материи: кажется, что это работает какая-то машина, производящая законы и предписания, причем все они носят характер технических нормативов.

<…> Закон для Техника то, что служит техническим целям. Проникнув в правовые структуры – законодательство, правосудие и управление, – Техник подменяет закон техническими предписаниями…» [11].

Несмотря на нейтральность и универсальность принимаемых норм, волюнтаристский характер современных нормативно-правовых актов в международном праве в значительной части регулирует не возникающие взаимоотношения между субъектами-участниками, а правовой порядок взаимодействия с материальным миром, технологиями и информационными средами, финансовыми инструментами и тп.

Кризис на нынешнем этапе является неотъемлемой частью развития спиралевидной истории человечества. Кризис вестфальской системы международного права, которая достигла предела своего развития в XX в.[4] и установила парадигмальное значение государства, а также закрепила принципы невмешательства во внутренние дела государства в ч.2 ст. 7 Устава ООН и право нации на самоопределение, отражает не только изменения в субъективном толковании нормы, но и качественное развитие общественных отношений и правовых институтов, которые бесконечно менялись под воздействием технического прогресса, приводивший «к обновлению взглядов и условий жизни человека. Право должно было всякий раз к ним приспосабливаться и управлять новыми сферами и новыми формами человеческой деятельности, что в одном случае их развивать или, в других случаях ограничивать их развитие» [2, С. 286].

Список литературы:

[1] Афанасьева А.Н., Лунин И.А. Экономический кризис 2008 г. и его последствия в экономике России// Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». URL: http: //www.scienceforum.ru/2013/196/2163 (дата обращения 12.01.2026 г.).

[2] Бержель Ж.Л. Общая теория права. М., 2000.

[3] Джемаль Г.Д. Дауд vs Джалут (Давид против Голиафа). М.:Изд-во «Социально-политическая мысль», 2010. С. 14

[4] Кортунов С.В. Крушение Вестфальской системы и становление нового мирового порядка // Клуб мировой политической экономики. URL: http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm (дата обращения: 22.01.2026).

[5] Красавина Л.Н. Современный валютный кризис. М. : Финансы, 1975. 94 с.

[6] Кельзен Г.: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / сост. и вступит. ст. М.В. Антонова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

[7] Лекаренко О.Г. Кризис Бреттон-Вудской валютной системы и начало европейского валютного сотрудничества // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. №466. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-bretton-vudskoy-valyutnoy-sistemy-i-nachalo-evropeyskogo-valyutnogo-sotrudnichestva (дата обращения: 24.12.2025).

[8] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Часть 1. М.: Издательство Юрайт, 2017.

[9] Петражицкий Л.И. Указ. соч.

[10] Жан-Жак Руссо, «О естественном состоянии».

[11] Юнгер Ф.Г. Совершенство техники. С. 137 – 139.

[12] Bhutto, B. Tochter der Macht Autobiographie. Droemer Knaur, Muenchen, 1989.

[13] Carli, Guido. Why Banks are Unpopular// Lecture to the Per Jacobsoon Foundation, Stockholm, June 12,1976.

[14] Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: more (and less) than twin sisters // Techne: Research in Philosophy and Technology. 2008. 12:3.

[15] Llewellyn K.N. Some Realism about Realism: Responding to Dean Pound. Harvard Law Review. 1931. Vol. 44. №8. P. 1237; Pound R. Law in Books and Law Action. Am. LawRev.1910. №44 P. 35-36.

[16] Schmitt C. The Plight of European Jurisprudence // Telos. 1990. №.83. P. 50 – 54.

References:

[1] Afanasyeva A.N., Lunin I.A. The economic crisis of 2008 and its consequences in the Russian economy//Materials of the V International Student Electronic Scientific Conference “Student Scientific Forum.” URL: http: //www.scienceforum.ru/2013/196/2163 (accessed 12.01.2026).

[2] Bergel J.L. General Theory of Law. M., 2000.

[3] Jemal GD Dowd vs Jalut (David vs Goliath). M.: Publishing house “Socio-political thought,” 2010. S. 14

[4] Kortunov S.V. The collapse of the Westphalian system and the formation of a new world order//Club of the world political economy. URL: http://www.wpec.ru/text/200708310905.htm (access date: 22.01.2026).

[5] Krasavina L.N. Modern currency crisis. M.: Finance, 1975. 94 pp.

[6] Kelsen G.: pure doctrine of law, justice and natural law/comp. and will enter. Art. M.V. Antonova. St. Petersburg: Alef-Press, 2015.

[7] Lekarenko O.G. The crisis of the Bretton Woods monetary system and the beginning of European monetary cooperation//Westn. Volume. state university. 2021. №466. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-bretton-vudskoy-valyutnoy-sistemy-i-nachalo-evropeyskogo-valyutnogo-sotrudnichestva (дата обращения: 24.12.2025).

[8] Petrazhitsky L.I. Theory of law and state in connection with the theory of morality. In 2 hours Part 1. M.: Yuright Publishing House, 2017.

[9] Petrazhitsky L.I. Decree. Op.

[10] Jean-Jacques Rousseau, “On the Natural State.”

[11] Junger F.G. Perfection of technique. S. 137-139.

[12] Bhutto, B. Tochter der Macht Autobiographie. Droemer Knaur, Muenchen, 1989.

[13] Carli, Guido. Why Banks are Unpopular// Lecture to the Per Jacobsoon Foundation, Stockholm, June 12,1976.

[14] Hildebrandt M. Legal and Technological Normativity: more (and less) than twin sisters // Techne: Research in Philosophy and Technology. 2008. 12:3.

[15] Llewellyn K.N. Some Realism about Realism: Responding to Dean Pound. Harvard Law Review. 1931. Vol. 44. №8. P. 1237; Pound R. Law in Books and Law Action. Am. LawRev.1910. №44 P. 35-36.

[16] Schmitt C. The Plight of European Jurisprudence // Telos. 1990. №.83. R. 50 - 54.

